

Мне бы хотелось поддержать идею демонстрации моделей-ампутанток в вашем издании. Однорукие и в особенности одноногие девушки внушают уникальное чувство, и нет сомнений, что иллюстрация с привлекательными ампутантками будет пользоваться вниманием большого числа читателей...

Письмо в редакцию журнала «Пентхауз»
Ноябрь 1972

Часть 1

ГОРДЕЛИВАЯ ПЛОТЬ

Только один эпизод своего детства я помню очень хорошо, и надо полагать, потому что как следует тогда напакостил. Я сидел у входа в здание группы продленного дня и разрезал земляных червей на части ножницами такими большими, что мне приходилось держать их обеими руками. День был солнечный и жаркий, висела дымка; я превосходно это помню. Словно это было вчера.

Наверное, нянюшка искала меня уже довольно долго, потому что, увидев ее, я сообразил, что она мной чертовски недовольна. Одним движением она, словно выдергивая растение из грядки, поставила меня на ноги, отняла ножницы и оттащила меня в комнату с небольшой табличкой «ДЕТСКАЯ ГРУППА 4» на двери, где она усадила меня перед огромным телеэкраном. В комнате были и другие малыши; разинув рты, они безотрывно следили за происходящим на экране. Няня не увидела, что я оборачиваюсь ей вслед и смотрю, как она выходит из комнаты, неся ножницы на манер захваченного в битве трофея.

В кладовой она выдвинула ящик, где эти самые ножницы хранились. Я помню эту женщину: довольно моло-

дую, эмоционально подавленную. Вероятно, она подумала: а как, блин, он вообще их отсюда вытащил? И затем: странное дело... тут ведь должны бы лежать другие ножницы. К тому моменту я уже подкрался к ней сзади и вонзил эти самые другие ножницы ей в нижнюю часть ноги, проткнув сетчатые колготки, мягкую плоть и жесткие мышцы, так что лезвие достигло кости и отскочило от нее. Я смотрел, как стекает кровь по выступающей из тела части ножниц и льется мне на руки. Я до сих пор могу представить себе это зрелище. Когда она повалилась передо мной на колени, ее глаза и рот безмолвно округлились от боли и шока.

Спустя двадцать пять лет я чуть живой лежал в заваленном мусором переулке. Целых двадцать пять лет прошло. Мне казалось, что та кровь так и не переставала течь, пока я не промок в ней весь, с ног до головы; она была теплая и липкая. Густо-красная кровь стекала по моему телу и собиралась под ним небольшим прудиком, а к одежде и плоти цеплялись осколки костей и липли ошметки фрагментированных тканей. А одна рука без устали подергивалась, щелкала и клацала, просчитывая траектории, сулящие гибель почти недосыгаемым врагам.

— Я уезжаю, — сказал юноша. На Яйцеферме Финикс его знали как Э. Аллена Лиммита. Он был корпоративным сутенером.

— Да ну, — отвечала Бонна Камминс, менеджер ранчо по персоналу. Под ее тяжелыми, шириной чуть ли не в большой палец бровями вспыхнули зловещие огоньки. В них читалась мысль: *вот же мелкий засранец.*

Лиммит кивнул, подавив в себе робость перед тяжело нависавшей над ним всем своим телом начальницей.

— Все верно, — проговорил он, — у меня билет в ЛА на вечернем яйцевозе. Все оплачено и оговорено.

— В чем дело? — фыркнула Камминс. — Как так получилось, что этот гребаный птенчик из КУВП отказал тебе в обратной поездочке на его личном лайнере? Боятся, что ты пару перышек прихватишь себе для подушки?

Она откинулась в кресле и полезла ковыряться между резцами длинным ногтем указательного пальца.

В этот момент Лиммит окинул тесный офис отсутствующим взглядом. На одной из стен виднелись пыльные пожелтевшие фотографии лучших несушек ранчо, к ним иногда прилагались снимки какого-нибудь яйца, рядом с которым для масштаба стояла человеческая фигура. «Ох уж эти глаза», — подумал Лиммит, глядя в тупые пернатые морды; глаза у них словно лошадиные.

Через окно у дверей он видел весь первый этаж главного инкубатора: там и сям встречались белые стойла, между которыми расхаживали техники. Даже сквозь оконное стекло донесся резкий визг. Лиммит поморщился, вспомнив, что он означает. Недалеко от инкубатора, за другими сельскохозяйственными и жилыми постройками ранчо, лежали занесенные аризонским песком улицы и автотрассы города Финикса.

«Больше, — сказал он себе, — я ничего этого не увижу».

— Это часть плана, — откликнулся он наконец, ощутив на себе тяжелый взор Бонны. — Мне нужно прибыть в ЛА именно таким образом, и...

— Думаешь, нужен мне твой план, идиотина? — осклабилась Камминс. — С хера ли мне сдался твой гребаный план. Ты мне лучше скажи, кто вместо тебя будет управлять этим сучьим борделем?

Лиммит пожал плечами:

— А это уже твои проблемы.

— Тебе бы массаж костлявой физиономии не помешало сделать за такой ответ, голубчик. Ты понимаешь, кто теперь будет рулить тут всем? Я — вот кто! — Было видно, что ей стоило усилий овладеть собой. — Но я на тебя не обижаюсь. Когда тебе в ЛА жопу надерут, можешь сюда возвращаться, я тебя снова приму на старую добрую работку. Я даже никому сдавать твои комнаты не стану. Не трудись вывозить оттуда вещички.

— О, спасибо. — Он развернулся к двери и, подумав, добавил мрачно: — Но возвращаться я не собираюсь.

— Ну да, ну да. Поживем — увидим.

Не успел он закрыть за собой дверь офиса, как ему вдогонку долетел скрипучий голос:

— Пока не свалил, до вечера ты по-прежнему отвечаешь за эти койки, ясно? Так что подготовь-ка моего любимого, ты знаешь, Ларри 4В. Мне расслабиться надо, денек выдался дерьмовый.

Лиммит шел через главный инкубатор, лавируя между вилочными погрузчиками, сновавшими туда-сюда, чтобы перевезти очередное яйцо в морозильники ранчо. Он миновал одно из стойл — на двери было оттиснуто кодовое обозначение и мелом нацарапано «ЛЕОНА». Внутри на боку, словно сраженная какой-то немощью, валялась курица. Рядом слонялись в ленивом ожидании яйцевики

и техники; одна женщина-техник бесстрастно обследовала огромную, раздутую изнутри клоаку. Солома под ногами техника промокла от крови Леоны: очевидно, в какой-то момент решили, что дальше менять ее на сухую — пустая трата времени.

— Гляди в оба, Кэл, — со смехом обратился к женщине-технику один из яйцевиков. — Не смей туда глубоко соваться, можешь застрять. К тому времени как вытащим, наверняка уже задохнешься.

Лиммит опустился на колени рядом с головой курицы. Красные лошадиные глаза сверкнули, узнав его, и затуманились опять.

— Бойно, — возник где-то в глубинах птичьего клюва смешанный с блевотными спазмами голос. — Осинь бойно.

— Знаю, что больно, — погладил ее по клюву Лиммит. — Не бойся, все будет в порядке.

Он поднял глаза и перехватил изумленный взгляд техника. Глаза Леоны закрылись, словно курица погрузилась в безмятежный детский сон.

Лиммит поднялся, посмотрел на женщину-техника на корточках за куриным туловищем.

— Как она? — бесстрастно спросил он.

— Она? — озадаченно повторила техник. — В смысле, курица? Ну, подышает. Бластома. Ей не снести этого яйца живой. Даже если бы мы его вырезали по частям, ее внутри всю так порвало, что она не выживет. — Кроме того, — добавила она холодно, — она слишком старая, чтоб это имело смысл. Ей в любом случае считанные месяцы кладки оставались.

Техник выразительно пожала широкими плечами и отвернулась.

Он молча, свирепо зыркнул ей в удаляющуюся спину. *Скотина ты тупая*, — прошептал он беззвучно. Снова вскинул глаза и заметил, что какая-то женщина-яйцевик на него смотрит; узнав ее, он немедленно двинулся к выходу из стойла; ему в лицо от гнева бросилась кровь.

— Лиммит, погоди! — окликнула его яйцевичка.

Он лишь ускорил шаг. Леона позади в стойле застонала, потом завизжала; очередная конвульсия сотрясла ее массивное тело.

Яйцевичка догнала его у квартиры рядом с борделем.

— Привет, Джоан, — вынужденно проговорил Лиммит, не оборачиваясь.

— Я слышала, ты уезжаешь, — сказала девушка, глядя, как он поднимает с койки открытый чемоданчик.

— Да, это правда, — ответил Лиммит. Всматриваясь в пустой чемодан, он не мог придумать, что бы забрать с собой отсюда. Лиммит поднял глаза на книжную полку над кроватью, уставленную пожелтевшими книжками в мягких обложках; он откопал эту коллекцию в дюнах, там, где некогда располагался один из городских книжных магазинов. «Самая крупная подборка научной фантастики на всем Юго-Западе, — подумал Лиммит, пробегая взглядом по их потускневшим от времени обложкам. — А может, и во всем мире. Кому оно теперь надо?»

— И?

Он захлопнул пустой чемоданчик и развернулся к яйцевичке.

Ее широкое лицо с грубыми чертами выглядело ровно так же, как и шесть лет назад, когда они, окончив корпоративные курсы, вместе пришли на эту работу.

— Достаточно будет сказать, что мне наскучило это местечко.

Выражение обиды отразилось на ее лице.

— Нельзя было позволять, чтоб они тебя так достали, — произнесла она. — Они не тупые, у них просто нет времени, чтобы привязаться так же сильно, как ты...

Он презрительно фыркнул:

— О, ты мне будешь это говорить? Я же управляю этой лавкой, забыла? Я точно знаю, кто тут к чему привязан. И кстати, спасибо, что напомнила, пойду-ка Ларри 4В обработаю для Бонны Камминс.

Джоан мгновение стояла в молчании, понутив коротко стриженную голову, словно исследовала мыски своих рабочих ботинок.

— И это единственная причина, по которой ты уезжаешь? — негромко спросила она. — В смысле... не можешь выкинуть из головы, что всем вокруг известно, кто твой папочка, а?

Лиммит взглянул на нее, но не ответил.

— Ну, ты же понимаешь, — она смущенно переминалась с ноги на ногу и глотала слова, — э-э... ну, м-м... нечего тут стыдиться, ведь, эм-м-м, без него бы вообще не было Яйцефермы Финикс, ну правда...

Она взглянула на него с немым сочувствием.

— Что вынуждает тебя думать, будто я стыжусь своего отца?